

подходов)»¹⁴. Между тем многообразие форм действительности ставит перед историками всё более сложные задачи. Так, на Пятых Ковальченковских чтениях в декабре 2013 г. три докладчика размышляли о перспективах использования в исторических исследованиях документов, изначально созданных в электронной форме без фиксации на бумаге. Информация в этом случае остаётся только на жёстких дисках и может быть впоследствии изменена. Более того, не исключено, что неизбежность технических усовершенствований и постоянная модификация компьютерных программ сделают практически невозможной расшифровку фактов, хранящихся на стремительно устаревающих устройствах.

На вопрос, в чём он видит главную задачу своих преемников, И.Д. Ковальченко отвечал кратко: надо беречь кафедру. А беречь — значит сохранять и развивать традиции, заложенные Учителями.

Татьяна Круглова: Архив академика

*Tatiana Kruglova (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Academician's archive*

Иван Дмитриевич Ковальченко — значительная, выдающаяся фигура в русской исторической науке второй половины XX в. Мудрый человек, талантливый ученый, чуткий педагог. Память о нём хочется передать студентам, аспирантам, будущим поколениям историков, которым ещё предстоит открыть для себя эту талантливую личность, обращаясь к его трудам и архиву.

После кончины Ивана Дмитриевича под эгидой Архива АН и исторического факультета МГУ была создана комиссия для предварительного описания оставленных им бумаг. Работой комиссии руководил директор Архива АН Б.В. Левшин и её председатель — академик Л.В. Милов. Состояла она из И.М. Гарсковой, Н.Б. Селунской, И.Ф. Юшина и меня. В 2004 г. по воле вдовы — Тамары Васильевны Ковальченко все материалы учёного были переданы не в Архив АН, как первоначально предполагалось, а в наше университетское архивохранилище. Самый ранний документ в этом фонде — Книжка красноармейца, которую Ковальченко выдали в 1942 г. после выписки из госпиталя, куда он попал после тяжёлой контузии, полученной 9 декабря 1941 г. на Западном фронте. По рассказам Тамары Васильевны, до поступления в Московский университет, в течение двух лет Иван Дмитриевич был вынужден восстанавливать здоровье. От инвалидности он отказался в 1952 г. Наиболее поздние в описях — несколько писем, полученных осенью 1995 г., уже в больнице.

В целом, в фонде Ковальченко мало неизданных текстов, поскольку он регулярно и беспрепятственно публиковал свои труды. Лишь отдельные главы и очерки, написанные в разное время для коллективных работ, не были напечатаны¹⁵.

Основную часть архива составляют черновые и беловые копии опубликованных научных работ различного объёма — от одного до пятисот и более листов (например, машинописный вариант монографии «Методы исторического исследования»), официальных отзывов и писем, планы спецкурсов и лекций

¹⁴ Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. Вып. 1(119). М., 1995. С. 23—53.

¹⁵ Подробнее см.: И.Д. Ковальченко. Научные труды, воспоминания, письма (из личного архива академика). С. 14—15, 278.

по истории России XIX в. и по историографии, большое количество всевозможных выписок, подборки газет по темам, актуальным в 1990-е гг. Всё это позволяет проследить работу историка от этапа архивных и библиотечных изысканий до внесения незначительной правки в уже завершённые тексты.

Большой интерес представляет также его переписка с отечественными и иностранными исследователями. Неоднократно Иван Дмитриевич начинал вести дневник, но делать регулярные записи ему не удавалось. Сохранились лишь небольшие фрагменты, относящиеся ко времени зарубежных командировок (ФРГ и США), а также летнего отпуска, который он нередко проводил в архивах, отмечая в дневнике некоторые подробности этих занятий¹⁶.

К сожалению, архив И.Д. Ковальченко отражает далеко не все стороны деятельности учёного. Так, в его описях почти нет документов, связанных с многолетним пребыванием Ивана Дмитриевича на посту главного редактора журнала «История СССР» или в должности академика-секретаря Отделения истории АН. По-видимому, Иван Дмитриевич периодически разбирал свои бумаги, сохраняя лишь то, что считал нужным. Например, у него были маленькие ежедневники, куда он записывал все свои встречи, но они, к сожалению, не сохранились.

Андрей Сахаров: Человек старой системы взглядов и новые горизонты исторической науки

Andrey Sakharov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): The man of the old system of views and new horizons of historical science

Иван Дмитриевич учился на курс старше меня, он поступил на исторический факультет МГУ в 1947 г., уже проучившись какое-то время на физическом факультете. Надо сказать, что в то время на этом курсе подобралась очень яркая группа людей, многие уже возрастные, некоторые из них прошли фронт. Они очень быстро выдвинулись на первые позиции и в науке, и в общественной жизни. Я имею в виду, прежде всего, К.Н. Тарновского, В.И. Бовыкина, А.Д. Горского и И.Д. Ковальченко. Первые двое были учениками А.Л. Сидорова, а Ковальченко — академика Н.М. Дружинина. Эта «дружининская» академическая линия, объективная, спокойная, глубоко научная, отнюдь не политизированная, была передана в наследство Ковальченко. Он очень быстро занял ведущие позиции как студент, подающий большие надежды, потом как аспирант и общественный деятель. В первые годы аспирантуры он уже являлся секретарём партийной организации исторического факультета МГУ.

Наша первая близкая встреча с ним, которая проявила для меня его личные человеческие качества, — качества благородного, широкого человека, — как раз пришлась на период, когда он состоял секретарём партийной организации. Я окончил МГУ в 1953 г. круглым отличником, получал благодарность от деканата за спортивную работу, играл в сборной команде нашего факультета по волейболу, которая заняла на соревнованиях в МГУ почётное третье место. Однако руководители нашего курсового комсомола, в котором верховодил ученик академика М.Н. Тихомирова, отрицательно относившийся ко мне, ученику Л.В. Черепнина, дали мне при направлении на работу крайне невы-

¹⁶ Там же. С. 418—440.